
РЕАКЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ ДЕЛОВЫХ КРУГОВ НА БРЕСТСКИЙ МИР 1918 Г.

М.К. Шацилло

Центр изучения истории России XIX века
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

Подписание Брестского мирного договора между Россией и Германией вызвало весной–летом 1918 г. неоднозначную реакцию в среде российских предпринимателей. Предпринимательские объединения центральной России пошли на сотрудничество с большевиками, заключившими сепаратный договор с Германией. Члены этих организаций не верили в прочность нового режима и наделись путем компромисса сохранить бизнес. Предприниматели, оказавшиеся на контролируемой немцами территории, заняли прогерманскую ориентацию в надежде развить свое торгово-промышленное дело. Организации, находившиеся на востоке страны, выступили сторонниками соблюдения союзнических обязательств.

Ключевые слова: Первая мировая война, Брестский мир, российские предприниматели, представительные торгово-промышленные объединения, предпринимательские организации Центральной России, гетманской Украины и Сибири.

Заключение 3 марта 1918 г. сепаратного Брестского мирного договора между Советской Россией и Германией вызвало неоднозначную реакцию в среде российских предпринимателей. Традиционно рупором мнения деловых кругов служили представительные организации, которые, применяя сложившуюся десятилетиями практику, следовали процедурам выработки коллективного решения на съездах и собраниях членов ассоциаций.

Для того чтобы понять, почему отношение торгово-промышленных объединений к Брестскому миру было непростым, следует обратиться к краткой предыстории событий и отметить некоторые особенности складывания торгово-промышленного представительства в России. С одной стороны, российское предпринимательство по сравнению со странами Европы было относительно малочисленным, его отличала большая внутренняя дифференциация по уровню материального достатка, а от имени торгово-промышленного класса традиционно выступало ограниченное число лидеров, представлявших самые громкие предпринимательские династии.

С другой стороны, в России до 1917 г. так и не сложилось полноценной общероссийской организации, представлявшей интересы делового мира, в стране отсутствовало торгово-промышленное представительство обычного

для Западной Европы типа (закон о торговых палатах был принят Временным Правительством только в октябре 1917 г.). При этом после 1905 г., по словам известного предпринимателя П.А. Бурьшкина, отраслевые группировки (в основном промышленные) росли как грибы (1). Общее число представительных торгово-промышленных организаций накануне Февральской революции, по подсчетам историков, приближалась к двум сотням (2), однако самыми авторитетными (и традиционно пребывавшими в состоянии конфронтации) были две организации предпринимателей Москвы и Петербурга (Московский биржевой комитет и Совет съездов представителей промышленности и торговли).

В начале Первой мировой войны произошла активизация деятельности предпринимательских организаций. Представители деловых кругов ратовали за установление диалога с правительством, соглашаясь с вынужденным ограничением свободы частного предпринимательства и необходимостью мобилизации экономики на чрезвычайные нужды. После ряда военных поражений предприниматели разочаровались в эффективности экономических действий правительства и в конечном итоге с энтузиазмом восприняли события весны 1917 г.

После Февральской революции возобновились попытки создания единой российской предпринимательской организации.

Созванный лидерами московской буржуазии 19–22 марта 1917 г. I Всероссийский торгово-промышленный Съезд положил начало новой крупной организации – Всероссийскому союзу торговли и промышленности (Протосоюзу), возглавленному П.П. Рябушинским (3). Устройство Протосоюза коренным образом отличалось от существовавших ранее организаций. Во главе его управления стоял Совет, избранный общим съездом, а на местах действовали местные комитеты, организация которых отличалась простотой и отсутствием строгой формы.

Однако в условиях 1917 г. единой всероссийской предпринимательской организации не суждено было превратиться в жизнеспособный орган. После Октябрьской революции деятельность торгово-промышленных союзов не только не ослабла, напротив, заметно усилилась. По свидетельству современника, «предоставленные самим себе» предприниматели стали проявлять «особенную склонность к сплочению и солидаризации действий» (4). Весной–летом 1918 г. на территории бывшей Российской империи выделилось несколько центров, где функционировали крупные торгово-промышленные объединения: Сибирь, Украина, Москва и Петроград.

Столичные предприниматели вплоть до осени 1918 г., за редким исключением, не покидали места постоянного проживания и вели, насколько это было возможно, привычный образ жизни. Объяснялось это тем, что, с одной стороны, противники советской власти не верили в прочность большевистского режима. С другой стороны, торгово-промышленный мир уже в

течение нескольких лет военного времени находился под бременем чрезвычайных и запретительных мер, введенных в рамках мобилизации народного хозяйства и усиления государственного регулирования экономики. Кроме того, большевики, установившие диктатуру пролетариата, не сразу поставили точку в истории частного предпринимательства. Они на первых порах не имели цельной экономической доктрины и четкой программы реформирования народного хозяйства. Национализация банков, промышленности и внешней торговли осуществлялись поэтапно и растянулась во времени. Даже рабочий контроль за производством, веденный на фабриках и заводах в 1917 г., не означал прямого вмешательства в производственный процесс, руководителями которого в качестве «буржуазных специалистов» часто оставались прежние владельцы. При рабочем контроле сохранялась прежняя система управления предприятиями, в силе оставалось право владения акциями и получения дивиденда, старая администрация получала высокое жалование.

В таких условиях в Советской России продолжали действовать многие деловые институты, в том числе предпринимательские организации. Как отмечал в апреле 1918 г. председатель петроградского Совета съездов промышленности и торговли Н.Н. Кутлер, «совет не только существует, но и действует. Заседания комитета происходят еженедельно и посещаются большим числом лиц» (5).

Отличительной особенностью деятельности предпринимательских объединений (существовавших вплоть до осени 1918 г., периода их ликвидации) была известная двойственность. Несмотря на то что «торгово-промышленные круги» в целом бойкотировали действия Советской власти и были широко представлены в антисоветских подпольных организациях, предприниматели и их представительные организации до известных пределов готовы были идти на сотрудничество с Советами.

Так, Московский Всероссийский союз торговли и промышленности (Протосоюз) в конце января 1918 г. разослал обращения к населению с протестом против незаконных конфискаций и других насилий над представителями торгово-промышленного класса (6). Однако уже спустя месяц юридический отдел Протосоюза принимает вполне законопослушное заключение по поводу действия советского налогообложения, в котором говорится, что «в принципе... в настоящее время невозможен отказ от уплаты налогов» (7). По всей видимости, стремление пойти на компромисс нашло отклик у коммунистов, и на заседании 28 марта (11 апреля 1918 г.) заведующий юридического отдела сообщил членам совета Протосоюза «об установлении деловых сношений... с Советской властью по вопросам о налагаемых на торгово-промышленный класс контрибуциях...» (8).

Решение пойти на сотрудничество с Советской властью многие предпринимательские организации выражали весьма определенно. Так, 31 янва-

ря 1918 г. Всероссийский союз общества заводчиков и фабрикантов на заседании Совета «большинством голосов постановил признать необходимым немедленное вступление... в деловой контакт с Высшим Советом Народного Хозяйства» (9). Основным побудительным мотивом к сотрудничеству с большевиками служило стремление к сохранению бизнеса любыми возможными средствами.

Как отмечал член правления Протосоюза А.А. Червен-Водали, «...Всероссийский союз торговли и промышленности, объединяя еще до большевистского переворота много торгово-промышленных учреждений всей России, сосредотачивает в себе заявления о контрибуциях, об арестах и т.д. И Союз торговли и промышленности возбуждает вопросы перед [народным] комиссариатом юстиции, перед комиссариатом торговли и промышленности и комиссариатом внутренних дел эти вопросы – об облегчении участи отдельных лиц или облегчении общей контрибуции. И очень часто эти ходатайства удовлетворяются. Это была борьба не в буквальном смысле. А это было принятие известных мер к облегчению участи представителей торговли и промышленности, а иногда и предприятий торговли и промышленности» (10).

В течение первой половины 1918 г. предпринимательские организации Петрограда занималась вопросами национализации промышленности, причем значительное число промышленников выступало в роли активных сторонников ее осуществления. Основным мотивом в пользу национализации служила идея сохранения отечественной индустрии, которую могли обеспечить, в первую очередь, централизованные поставки сырья и наведение трудовой дисциплины. 5 июля 1918 г. была создана комиссия Совета съездов представителей промышленности и торговли по вопросу о национализации промышленности под председательством Б.А. Эфрона (11), которая вырабатывала положения и инструкции по управлению национализированными предприятиями. Разработанные материалы периодически публиковались в «Торгово-промышленной газете», а последнее (девятое по счету) заседание комиссии состоялось 1 октября 1918 г. (12).

Вполне естественно, что существовавшие в России предпринимательские организации, члены которых были настроены на сотрудничество с большевиками, не только не осудили Брестский мир, но и выступили в роли экспертов и консультантов Советского правительства.

Председатель Совета съездов представителей торговли и промышленности Н.Н. Кутлер сообщал в письме от 29 мая 1918 г., направленном и.о. председателя московского Протосоюза С.С. Смирнову (председателя П.П. Рябушинского в этот период не было в Москве), что в Петрограде были «организованы работы по изучению брестского договора и тех мер, которые необходимы для охраны экономических интересов России в связи с этим договором, ряда экономических, финансовых и юридических

вопросов, для решения которых привлечены лучшие научные и технические силы Петрограда» (13).

Как отмечалось в отчете Совета съездов, составленном для Совета Народного Хозяйства Северной области и датированном 26 октября 1918 г., представители петроградского Совета съездов представителей промышленности и торговли работали в Комиссии М.Г. Бронского (исполняющего обязанности наркома торговли и промышленности РСФСР с 22 апреля по 9 мая 1918 г. – *М.Ш.*) по вопросам мирных переговоров с Германией, а также в Учетно-ссудном комитете народного банка, Центральном комитете по железнодорожным делам, Страховом совете. Кроме того, они принимали участие в тарифном и конвенционном съездах в Москве (14).

Деятельность петроградского Совета Съездов представителей торговли и промышленности прекратилась осенью 1918 г., однако некоторые его деятели и в дальнейшем сотрудничали с Советской властью. В частности, последний председатель этой организации Н.Н. Кутлер входил в состав правления Государственного банка РСФСР и участвовал в подготовке денежной реформы 1922–1924 гг.

Весной 1918 г. активизировались предпринимательские организации на Украине, где в середине мая было образовано влиятельное объединение Протофис (Союз промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства).

Работа деловых людей, оказавшихся на территории Малороссии, в значительной степени определялась внешнеполитическими обстоятельствами, на фоне которых проходило становление украинской государственности. 27 января (9 февраля) 1918 г. Центральная Рада заключила со странами Четверного союза в Брест-Литовске мир, по которому признавалась самостоятельная Украинская народная республика. По особому соглашению Германия и Австро-Венгрия обязывались помочь Центральной Раде вытеснить из Украины большевиков. К середине апреля 1918 г. почти всю Украину, включая Киев и Харьков, заняли австро-германские войска.

По Брестскому договору украинское правительство обязывалось вступить в торговые отношения с Центральными державами. 23 апреля 1918 г. был подписан экономический договор, согласно которому Украина должна была передавать Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 г. 60 млн пудов хлеба, 2 млн 750 тыс. голов рогатого скота, 400 млн штук яиц, по 300 вагонов строевого леса ежемесячно. Центральные державы должны были поставить сельскохозяйственные машины и орудия, текстильные товары, медикаменты, нефть и уголь (15). Как писала «Киевская мысль», «этот договор зовется хлебным договором и он составлен так, что является как бы оплатой за помощь, оказанную... в деле наших политических свобод».

В конце апреля 1918 г. в Киеве произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришел гетман П.П. Скоропадский. В его

программной грамоте говорилось о восстановлении в полном объеме прав частной собственности «как основы культуры и цивилизации», об отмене всех распоряжений бывшего украинского правительства и Временного Российского правительства, которые ограничивали эти права. В экономической и финансовой областях провозглашалась полная свобода торговли и открывался «широкий простор частной предприимчивости и инициативе» (16).

Экономические ведомства в Совете министров (Раде министров) Украинской державы, сформированном к 1 мая, были вверены предпринимателям: пост министра финансов занял банкир и помещик А.К. Ржепецкий; министром торговли и промышленности стал председатель Одесского биржевого комитета С.М. Гутник (17). Правительство контролировалось германским командованием. Министры А.К. Ржепецкий и С.М. Гутник даже удостоились ордена короны 1-й степени, одной из высших наград Германской империи (18).

15–18 мая 1918 г. в Киеве прошел съезд представителей промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства, на который прибыло около тысячи делегатов, представлявших около 30 предпринимательских организаций Украины. Итогом съезда стало создание Протофиса, который, по свидетельству его руководителя, должен был стать объединением всех отраслей народного хозяйства Юга России (19). По мнению историка Н.Г. Думовой, торгово-промышленный съезд наметил экономическую стратегию, которой следовало правительству П.П. Скоропадского (20). Как отмечал современник, Протофис «был весьма активным фактором в нашей внутренней политике» (21). Члены этой организации отличались деловым прагматизмом, ненавистью к большевизму и ориентацией на Германию вплоть до конца октября 1918 г.

При П.П. Скоропадском Украина, которую немцы ограждали от проникновения большевизма извне и поддерживали в ней порядок, напоминала сытый «уголок Германии» (22). Гетманская Украина стала пристанищем тех, кто стремился покинуть «Совдепию». Выезд на Украину облегчался дружественными отношениями Советской России и Германии после заключения Брестского мирного договора. Когда с конца лета 1918 г. жизнь «бывших людей» при большевиках перестала быть безопасной, тысячи беженцев, многие из которых выправили украинские документы, двинулись на юг на «украинских поездах» (23). В крае произошел всплеск предпринимательской активности. По наблюдению А.А. Гольденвейзера, «промышленные и торговые круги, с одной стороны, были близки к власти имущим и влияли на последних в выгодном для себя направлении; а с другой, – обеспеченный сбыт всевозможных товаров в Германию и Австрию создавал и в чисто экономическом смысле весьма благоприятную конъюнктуру для нашего края. Мы и пережили тогда эпоху грюндерства и спекулятивной горячки» (24). Как вспоминал В.И. Гурко, промышленные предприятия «возникали... де-

сятками, и число уставов, утвержденных гетманским правительством, было весьма значительно» (25).

Несмотря на то что сотрудничество с Германией, являвшейся основным рынком сбыта украинской продукции, представляло известную выгоду для части деловых людей, в предпринимательском сообществе зрела мысль, что его интересы страдают из-за отсутствия взаимной выгоды. Так, в начале октября 1918 г. делегация Протофиса посетила Германию, где после осмотра ряда торгово-промышленных и сельскохозяйственных предприятий предприниматели провели ряд совещаний с представителями германского бизнеса. На одном из них делегация «ребром поставила вопрос о деятельности германского общества по экспорту товаров на Украину». По заявлению членов Протофиса, «общество только мешает нормальным торговым отношениям Украины с Германией, совершенно произвольно устанавливает цены на вывозимые в Украину германские товары, чрезвычайно замедляет, благодаря бюрократической волоките, товарообмен, и, вообще, является институтом не только бесполезным, но даже вредным для торговли и промышленности как Украины, так и Германии» (26).

Эта же мысль о неравноправности делового партнерства прозвучала на втором съезде Протофиса, состоявшемся 27–30 октября 1918 г. В докладе о внешнем товарообмене Украины, сделанном председателем торгового отдела Протофиса А.А. Оноприенко, отмечалось, что «международные отношения Украины с Германией получили специальную окраску, которая не порождает радостных ощущений, так как основаны они не на свободном соглашении договаривающихся сторон, а на определенных условиях, предъявленных более сильной стороной... Обязательства, принятые на себя Украиной, чрезвычайно для нее обременительны». В связи с этим в очередной раз говорилось о «необходимости завязать с Великороссией самые тесные торговые связи» (27). Вместе с тем, как отмечал председатель Протофиса князь А.Д. Голицын, «волею судеб» съезд работал «в тяжелой атмосфере внутриполитической и международной» (28).

В самом деле, после того как в начале октября 1918 г. Германия обратилась к лидерам стран Антанты с предложением вступить в мирные переговоры на основе «14 пунктов Вильсона», встал вопрос о существовании гетманской Украины. В кулуарах съезда велось много разговоров по поводу менявшейся международной ситуации. Несмотря на плачевное положение Германии на фронте, «Протофис» надеялся задержать немцев на Украине. В конце октября Союз хлеборобов и «Протофис» отправили президенту США Вильсону телеграмму, в которой просили не выводить немецкие войска с Украины (29).

Однако надежды на то, что германские войска могут стать гарантией стабильности, не оправдались. Когда 16 ноября в Белой Церкви Директорией было поднято восстание сечевых стрельцов против П.П. Скоропадского,

немцы заявили о своем нейтралитете. Вскоре повстанцы заняли ключевые города Украины и окружили Киев, взяв его 4 (17) декабря 1918 г. После падения режима П.П. Скоропадского на протяжении 1919 г. Украина стала ареной столкновений между Украинской директорией, Советской Россией, Вооруженными силами Юга России и «зелеными». Военно-политическая ситуация в регионе осложнялась интервенцией стран Антанты. В условиях непрекращавшихся боевых столкновений Протофис прекратил свое существование.

Отличное от предпринимательских организаций Центральной России и гетманской Украины отношение к Брестскому миру выказали предприниматели Урала и Сибири, организации которых, начиная со второй половины 1918 г., возобновили свою деятельность. В результате выступления чехословацких легионеров в ночь с 25 на 26 мая 1918 г. на востоке страны началось свержение советской власти. На освободившейся от большевиков территории в начале июня сформировались два крупных политических центра – «красная» Самара и «белый» Омск, соперничавшие друг с другом. Кроме того, образовался ряд областных правительств, которые подвластная Комучу Самара и Омск стремились вовлечь в орбиту своего влияния.

После ликвидации советской власти (7 июня 1918 г.) в Омске, подконтрольном временному органу власти – Западно-Сибирскому комиссариату, оживились предпринимательские объединения. В частности, 15 июня 1918 г. состоялось собрание представителей торгово-промышленников, на котором говорилось о необходимости введения свободы торговли и указывалось на то, что «задача добывания и правильного распределения товаров выполняема только силами торгово-промышленного класса» (39).

Спустя две недели, 30 июня 1918 г., Западно-Сибирский комиссариат передал управление Временному Сибирскому правительству. Хотя это правительство ориентировалось на установление народоуправства на освобожденной от большевиков территории, по наблюдениям министра снабжения И.И. Серебренникова, «власть [в Омске] принадлежала скорее военным, тем, кто с оружием в руках поднял восстание против большевиков и теперь еще на разных фронтах продолжал борьбу» (31).

4 июля 1918 г. была провозглашена государственная самостоятельность Сибири и аннулированы декреты советской власти (32). В итоге восстанавливались законы Временного правительства, права владельцев предприятий, домов и земель, национализированных или захваченных при большевиках. Тогда же активизировал свою работу Омский торгово-промышленный союз, включавший 32 отдела (33). 13–20 июля 1918 г. в здании Омской торгово-промышленной биржи состоялся съезд представителей торговли, промышленности и городского домовладения Сибири и Урала (первый Сибирский торгово-промышленный съезд). В работе первого Сибирского торгово-промышленного съезда приняли участие более 250 представителей го-

родов и крупных торговых сел (промышленники, домовладельцы, а также отдельные сельские хозяйства) Средней и Западной Сибири, а также Урала (34).

По случаю открытия съезда архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр отслужил торжественный молебен. Как сообщал современник, «собрались кряжистые сибирские люди и по старому русскому обычаю начали с молитвы» (35). В качестве почетных гостей на съезд прибыли сотрудники различных ведомств, общественных организаций и члены Временного сибирского правительства. Представителей иностранных держав и русской армии приветствовали аплодисментами, а чехословакам устроили настоящую овацию.

Председатель съезда С.И. Колокольников призвал сибиряков «проникнуться ответственностью, так как они «волею Провидения» поставлены в исключительно счастливое положение. Сибирь первая из частей государственного организма России спасается от всеразлагающего яда большевизма». При этом С.И. Колокольников подчеркнул, что «положение Сибири определяется только в общем государственном строительстве всей России как единого целого» (36).

14 июля 1918 г. на утреннем заседании съезда с многочасовым докладом о текущем положении и задачах, стоящих перед страной, выступил глава омских кадетов В.А. Жардецкий. Свою речь он начал с характеристики прошлого России. Говоря о губительных последствиях Первой мировой войны, оратор заметил: «Как и Бельгия, Россия принесла в жертву войны свою государственность... Мы – больны, больны психически, мы были захвачены волною удушливых газов идей, а это также оружие войны» (37). Залогом спасения государства, по мысли В.А. Жардецкого, являлась твердая, единая государственная власть, отражающая интересы всех классов (38). Докладчик предостерег от увлечения областничеством, «программа которого заключается в четырех словах: «Сибирь, Сибирь – über alles», так как это может привести к множеству «недоразумений и осложнений» при воссоздании Великой России. Съезд постановил опубликовать стенограмму доклада отдельным изданием. Как заметил И.И. Серебренников, представители торговли и промышленности нашли «себе лидеров среди адвокатов и других групп так называемой буржуазной интеллигенции» (39).

С 15 июля 1918 г. съезд перешел к обсуждению экономических проблем сибирских предпринимателей, разделившись на три секции: промышленную, торговую и организационную. Проекты резолюций, принятые на секциях, передавались в согласительную комиссию, после чего в форме постановлений утверждались съездом. В постановлении по общеполитическим вопросам сибирские торгово-промышленники высказались за установление надклассовой и надпартийной диктатуры до созыва нового Учредительного собрания в нормальных условиях. Торгово-промышленный съезд признал легитимность Временного Сибирского правительства, так как оно действовало на основе законов, принятых до Октябрьского переворота 1917 г.

Что касается идей сибирского областничества, «краевого самоопределения», то большинство делегатов торгово-промышленного съезда их не разделяли. Представителями деловых кругов Сибирь мыслилась как неотъемлемая часть России. Съезд решил бойкотировать выборы в Сибирскую областную думу («в своем составе искусственно построенную, в корне искажающую подлинное выражение общественного мнения») от торговых и промышленных учреждений.

В области внешней политики торгово-промышленники подтвердили верность союзническому долгу и резко осудили Брестский мир. В принятом Сибирским торгово-промышленным съездом постановлении по общеполитическим вопросам в специальном пункте «По вопросу о продолжении войны и об отношении к союзникам России» говорилось, что русский народ находился «в состоянии временного безумия, привитого ему врагом», Германией, поэтому пошел на заключение «позорного дела» – Брестского мира. В действительности Россия готова продолжать мировую войну на стороне Антанты, но ожидает от союзников «безотлагательной дружеской помощи для скорейшего победного завершения борьбы с германской коалицией» (40).

Резко осуждая Брестский мир, предприниматели выступили более последовательно, чем Временное Сибирское правительство, которое, по признанию премьер-министра П.В. Вологодского, «на первых порах решило не фрондировать... а выждать проявления определенных последствий этого мира» (41). Между тем союзники и чехословаки настаивали на разрыве брестских договоренностей и недоумевали по поводу неопределенности внешнеполитической позиции правительства. Однако Временное Сибирское правительство со всей твердостью декларировало свое отношение к союзникам (по настоятельному требованию управляющего военным министерством, командующего Сибирской армией) только в конце августа 1918 г. (42).

В специальном постановлении Сибирского торгово-промышленного съезда по вопросам промышленности и сельского хозяйства предприниматели декларировали значимость экономического сближения со странами Антанты. Они признали «необходимым в общих интересах с союзниками немедленно принять энергичные меры к привлечению в русскую промышленность только союзнических капиталов на возможно выгодных для России условиях» (43).

Необходимость разрыва экономического сотрудничества с Германией и Австрией аргументировалась не только союзническими обязательствами, но и ссылками на историческое прошлое. По мнению сибирских предпринимателей, центральноевропейские государства «враждебно были настроены к насаждению промышленности в России», они помещали свои капиталы в торговые предприятия, «которые способствовали вывозу сырья из России», а затем ввозили в Россию изделия, выработанные из русских материалов на иностранных заводах и фабриках. Кроме того, эта продукция составляла конкуренцию «союзническим товарам» на международном рынке.

Союзники же, по мнению сибиряков, напротив, являлись сторонниками отечественной индустриализации: «ввиду отдаленности Англии и Америки их товары не могли конкурировать с немецкими и австрийскими... на русском рынке, а потому единственно возможным для наших союзников являлось насаждение у нас местной промышленности с целью прекращения вывоза сырья из пределов России и установления экономического равновесия на мировом рынке» (44). Таковы были доводы сибирских торговопромышленников в пользу ориентации на страны Антанты.

С целью объединения антисоветских областных правительств 26 августа (8 сентября) – 10 (23) сентября) 1918 г. в Уфе проходило государственное совещание, которое 23 сентября 1918 г. провозгласило власть Временного всероссийского правительства (Уфимской директории). В Конституции Уфимской директории говорилось о «непризнании Брестского и всех прочих договоров международного характера, заключенных как от имени России, так и отдельных ее частей после февральской революции... и восстановление фактической силы договоренных отношений с державами согласия» (45).

За день до начала работы Государственного совещания 25 августа (7 сентября) 1918 г. в Уфе открылся Всероссийский торгово-промышленный съезд, ставший крупной вехой в жизни отечественный предпринимателей. На нем был образован Совет съездов торговли и промышленности, объявивший себя преемником бывшего Всероссийского Совета съездов представителей торговли и промышленности.

Таким образом, реакция делового мира бывшей Российской Империи на Брестский мир не была единой. Предпринимательские объединения Центральной России пошли на сотрудничество с большевиками, заключившими сепаратный договор с Германией. Члены этих организаций не верили в прочность нового режима и наделись путем компромисса сохранить бизнес. Предпринимательские организации, оказавшиеся на территории, контролируемой немцами, заняли прогерманскую ориентацию в надежде развить свое торгово-промышленное дело. Предприниматели востока страны, исходя из практических соображений, выступили сторонниками соблюдения союзнических обязательств. Противоречивая реакция бизнес-сообщества на Брестский мир была обусловлена прагматизмом предпринимателей. Деловые люди готовы были мириться с любой твердой властью, способной сохранить их начинания в чрезвычайных обстоятельствах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Бурьшкин П.А.* Москва купеческая. – М., 1991. – С. 247.
- (2) *Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е.* Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. – М.; Л. 1957. –

- С. 262. По данным А.О. Гушки, на 1910 г. число предпринимательских организаций составляло 143 (*Гушка А.О.* Представительные организации торгово-промышленного класса в России. – СПб, 1912. – С. 36).
- (3) *Лаверычев В.Я.* Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. – М., 1961. – Т. 70. – С. 35–37.
  - (4) *Ауэрбах В.А.* Революционное общество по личным воспоминаниям // Архив русской революции (далее – АРР). – Берлин, 1924. – Т. 16. – С. 53.
  - (5) ОПИ ГИМ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 3.
  - (6) Там же. – Д. 41. – Л. 96–98.
  - (7) Там же. – Д. 42. – Л. 61.
  - (8) Там же. – Д. 41. – Л. 106.
  - (9) РГИА. – Ф. 150. – Оп. 1. – Д. 434. – Л. 10.
  - (10) Заседание чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете, 22 мая 1920 г. // Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. – М., 2003. – С. 149.
  - (11) РГИА. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 505. – Л. 10.
  - (12) Там же. – Л. 83–87.
  - (13) ОПИ ГИМ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 3, 5. – Л. 3–3 об.
  - (14) РГИА. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 6.
  - (15) *Дорошенко Д.И.* Гетманство 1918 г. на Украине // Голос минувшего на чужой стороне. – Париж. – 1926. – № 5 (18). – С. 135; Гражданская война на Украине. 1918–1920: Сб. док-тов и мат-лов: В 3 т. – Киев, 1967. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 107, 114–117.
  - (16) Гражданская война на Украине... – С. 132.
  - (17) *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. – М., 1982. – С. 108.
  - (18) Там же. – С. 160; Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). – М., 1936. – С. 103.
  - (19) Российские предприниматели в начале XX века. По материалам Торгово-промышленного и финансового союза в Париже: публикация документов / Сост. Ю.А. Петров, М.К. Шацилло. – М., 2004. – С. 64.
  - (20) *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция... – С. 158.
  - (21) *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // АРР. – Т. 6. – С. 219.
  - (22) *Трубецкой Е.Н.* Из путевых заметок беженца // АРР. – Т. 18. – С. 142–143.
  - (23) *Татищев А.А.* Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). – М., 2001. – С. 315–316.
  - (24) *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // АРР. – Т. 6. – С. 219.
  - (25) *Гурко В.И.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // АРР. – М. – Т. 15. – С. 29.
  - (26) Киевская мысль. – 1918. 29 (16) октября. – № 199.
  - (27) Там же.
  - (28) Там же.
  - (29) *Деникин А.И.* Ледяной поход. – Берлин, 1925. – Т. 4. – С. 262.
  - (30) Цит. по: *Рынков В.М.* Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918 – 1919 г.): Дисс. ... к.и.н. – Новосибирск, 1998. – С. 139.
  - (31) *Серебренников И.И.* Мои воспоминания // Гражданская война в Сибири: Великий отход. – М., 2003. – Т. I: В революции (1917–1919). – С. 347.

- (32) Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / Отв. ред. В.И. Шишкин. – М., 2003. – С. 613; См.: Сибирский вестник. – 1918. 16 августа; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. – 1918. – 18 июля. – № 2. – С. 4.
- (33) Сибирская речь. – 1918. – 4 июля. – № 30.
- (34) Там же. – 23 июля. – № 45.
- (35) Там же. – 16 июля. – № 39.
- (36) Там же.
- (37) Там же.
- (38) Там же.
- (39) *Серебрянников И.И.* Мои воспоминания... – С. 347.
- (40) Сибирская речь. – 1918. – 21 июля. – Приложение к № 44. – С. 2.
- (41) Дневник П.В. Вологодского // За спиной Колчака: Док-ты и мат-лы / Под ред. А.В. Квакина. – М., 2005. – С. 68.
- (42) *Серебрянников И.И.* Мои воспоминания... – С. 369.
- (43) Сибирская речь. – 1918. – 2 августа. – № 54.
- (44) Там же.
- (45) Конституция Уфимской директории // АРР. – Т. 12. – С. 191.

THE REACTION OF THE RUSSIAN BUSINESS CIRCLES TO THE BREST PEACE TREATY OF 1918

M.K. Shatsillo

Institute of the Russian history of The Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

The Brest peace treaty between Soviet Russia and Germany appeared controversy to some Russian entrepreneurs in the spring–summer of 1918. Entrepreneurial associations of central Russia decided to cooperate with Bolsheviks, who had concluded the separate treaty with Germany. The members of these organizations did not trust to stability of new regime and hoped by way of compromise to preserve their business. The businessmen, who have found themselves on the German's controlled territories, assumed pro-German orientation in hope to develop the commercial and industrial affaires. The entrepreneurial organizations in the East of the country were in favor of keeping of their obligations towards alliese.

Key words: World War I, Brest treaty, Russian businessmen, representative commercial and industrial associations, entrepreneurial organizations of Central Russia, Ukraine and Siberia.